

И. В. Грачева, М. В. Сомова

РЯЗАНЬ В 1850-х ГОДАХ
(по «Запискам» графа М. Д. Бутурлина)

В статье рассматривается история Рязани, те события политической, культурной и общественной жизни, которые происходили в нашем городе в 50-х годах XIX века. За основу взяты «Записки» графа М. Д. Бутурлина, который несколько лет был чиновником особых поручений при рязанском губернаторе П. П. Новосильцеве и хорошо знал жизнь Рязанской губернии. В мемуарах М. Д. Бутурлина отражены как личные впечатления их создателя, так и общественная жизнь России, описано состояние дел в губернии, даны характеристики высокопоставленных особ рязанского бомонда 1850-х годов, отмечены интересы и образ мыслей рязанского дворянства.

Рязань; 1850-е годы; М. Д. Бутурлин; П. П. Новосильцев; общественная и культурная жизнь

В 1852 году в Рязань прибыл новый губернатор П. П. Новосильцев, сменивший скончавшегося П. С. Кожина. Граф М. Д. Бутурлин, ставший одним из чиновников особых поручений при П. П. Новосильцеве, оставил записки, которые дают уникальные сведения как о личности самого губернатора, так и о Рязани и губернии под его управлением. Хотя автор записок, входивший в круг близких губернатору «домашних» людей, старался всячески подчеркнуть достоинства своего начальника, тем не менее, стремясь к объективности, он не мог умолчать о противоречивости, а порой и странности его характера. Будучи человеком умным, всесторонне образованным, хорошо разбиравшимся в законодательных тонкостях, П. П. Новосильцев не любил заниматься делами. Для создания видимости своей административной деятельности он три раза в неделю посещал губернское правление и даже распек однажды городского врача за его служебное нерадение, однако стоило только М. Д. Бутурлину обратиться к губернатору с каким-либо серьезным вопросом, как тот спешил перебить его «эпиграммой или анекдотом, не относящимся к делу»¹. С одинаковым безразличием относился он к усердным и честным чиновникам, которых следовало бы поощрять, и к тем, кто беззастенчиво злоупотреблял своим служебным положением и заслуживал сурового наказания. Даже тогда, когда он узнавал об этих злоупотреблениях, предпочитал не предпринимать никаких мер, считая своим христианским кредо «никому зла не чинить»². Безудержный чиновничий произвол и всяческие беззакония достигли при П. П. Новосильцеве такой степени, что жандармский офицер Ивашенцев вынужден был в III Отделение доложить о том, что губернатор не заботится о «водворении возможного в губернии порядка... чиновники недобросовестны, лихоимствуя, поступают по отправлению своих должностей в ущерб правде и истине, а благонамереннейшие из лиц в губернии, при всей готовности способствовать общему благу, не могут достичь делаемой цели»³.

В Рязани Новосильцевы нанимали находившийся возле Вознесенской церкви двухэтажный дом Колёминых (не сохранился) с «рядом парадных комнат, весьма удобных для многолюдного приёма»⁴. Узнав, что церковь нуждается в средствах, П. П. Новосильцев сделался ее старостой и «аккуратно стал ходить с блюдом во время литургии по воскресеньям и праздничным дням, а чтобы привлечь публику, он завёл певческий хор из воспитанников подведомственного ему училища детей канцелярских служителей. <...> Весь бомонд стремился туда посмотреть, как губернатор шествует по церкви с тарелкой в руках...»⁵. Разумеется, никто не смел уклониться от щедрого пожертвования.

П. П. Новосильцев не прощал тех, кто задевал его самолюбие, при этом христианское смирение покидало его. Так, он удалил из Рязани прокурора Карцева не за служебный проступок, а

¹ Записки графа М. Д. Бутурлина : в 2 т. М. : Русская усадьба : Любимая книга, 2006. Т. 2. С. 227.

² Там же. С. 222.

³ Из истории рязанской власти: руководители Рязанского края. 1778–2008 / под ред. П. В. Акульшина. Рязань : Изд-во Ряз. обл. тип., 2008. С. 143.

⁴ Записки графа М. Д. Бутурлина. С. 199.

⁵ Записки графа М. Д. Бутурлина. С. 232.

за то, что тот иронизировал над манерой губернатора, которому шёл шестой десяток лет, «ломаться» с излишней «аффектацией в движениях, происходившей от желания казаться юным и живым». Особенно П. П. Новосильцев не терпел, если кто-то переводился из-под его начала на другую службу. Этого он не прощал даже друзьям. В числе «опальников» оказался и сам М. Д. Бутурлин.

Чем хуже в губернии шли административно-хозяйственные дела, тем с большим размахом проводились разнообразные празднества и развлечения то в губернаторском доме, то в общественном клубе. «Приезд Новосильцевых ознаменовался... непрерывным рядом общественных увеселений»⁶. Этим руководила супруга губернатора Мерепа Александровна (урождённая Вяземская). Танцевальные и музыкальные вечера, любительские спектакли, пантомимы, «живые картины» непрерывно сменяли друг друга. Слухи о том достигли Москвы, и, по словам М. Д. Бутурлина, «приезжали нарочно на наши празднества москвичи и москвички из высшего тамошнего круга»⁷. Останавливаться они предпочитали в гостинице на Астраханской улице близ моста через Лыбедь (у М. Д. Бутурлина неверно указан Трубеж) напротив Почтовой улицы. Гостиницу содержал дворянин, титулярный советник Н. В. Варварин (ныне ул. Астраханская, 46). Среди надворных построек купленной им усадьбы на берегу Лыбеди было 3 конюшни, 2 каретных и 4 обычных сарая⁸.

Своим человеком в окружении Мерепы Александровны стал постановщик «живых картин» Д. К. Хвоцинский — «хороший рисовальщик, владевший эстетическим чувством в области прекрасного»⁹. До наших дней дошли его забавные рисунки-силуэты, изображавшие рязанское высшее общество того времени. Его старшая дочь Надежда Дмитриевна печатала в столичных журналах свои произведения (под псевдонимом Крестовский) и даже привлекла внимание читающей публики. Но в доме Новосильцевых, где блистал талантами ее отец, она почти не появлялась. Некрасивая, не отличавшаяся яркими артистическими данными и не имевшая средств на модные туалеты, с одной стороны, она никак не подходила для «восхитительного букета» местных красавиц, которыми окружала себя губернаторша, а с другой стороны, ей, с ее демократическими убеждениями, был чужд круг гостей Новосильцевых. М. Д. Бутурлин уверял, что «она утопистка до того, что сочувствует бреду коммунизма и социализма и утверждает, что эта доктрина основана на Евангелии»¹⁰. Мемуарист, не отрицая ее литературного таланта, ставил ей в вину то, что, не «зная совсем светского круга, она в своих произведениях резко критикует «великосветских “бархатников” (именование из повестей Д. В. Григоровича)» и «относится к этому сословию желчно, как бы с ненавистью»¹¹. Действительно, в ее прозе, написанной на рязанском материале, немало сарказма, а в повести «Пансионерка» в образе «царицы» города N, у которой «на уме все балы с переодеваниями да благотворительные спектакли», узнается облик Мерепы Александровны¹². Однако даже семья Хвоцинских не устояла против захватившего Рязань, как и всю Россию, увлечения спиритизмом и «пишущими столами». Небольшой столик, у которого вместо одной из ножек был карандаш, ставился на лист бумаги, участники сеанса клали на него руки, задавали вопрос — «и он пойдёт чертить каракули»¹³. Верили, что это пророчества, посылаемые душами, переселившимися в иной мир, но называвшими на сеансе свое земное имя. Сестры Хвоцинские признались М. Д. Бутурлину, «что и у них есть подобный грамотный столик, но что они не могут-де разобрать его ответы, написанные на неизвестном им английском языке»¹⁴. М. Д. Бутурлин, знавший английский, выполнял на одном из сеансов в доме Хвоцинских роль переводчика. Сам он относился к этому увлечению скептически. Но его поразил случай, когда на сеансе у Мерепы Александровны столик назвался итальянцем Марио Обовески, сообщив, что он был «убит на дуэли в Венеции в 1822 году и похоронен на Лидо»¹⁵. Впоследствии племянник М. Д. Бутурлина, Д. П. Бутурлин, во время заграничного путешествия побывал в этом квартале Венеции и выяснил, что при церкви действительно есть такое захоронение. Но ни губернаторша, ни ее партнер (инспектор врачебной управы А. П. Попов) не могли о нем знать, так как за границей не бывали.

⁶ Там же. С. 190.

⁷ Там же. С. 185.

⁸ См.: Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Рязанская область / отв. ред. В. И. Колесникова. М. : Индрик, 2012. Ч. I. С. 194.

⁹ Записки графа М. Д. Бутурлина. С. 191.

¹⁰ Записки графа М. Д. Бутурлина. С. 236.

¹¹ Там же. С. 235.

¹² См.: Хвоцинская Н. Д. Повести и рассказы. М. : Худож. лит., 1963. С. 96.

¹³ Записки графа М. Д. Бутурлина. С. 237.

¹⁴ Там же. С. 238.

¹⁵ Там же. С. 237.

П. П. Новосильцев поручил М. Д. Бутурлину благоустройство городского сада на Астраханской улице, «страшно тогда запущенного... повсюду росли лопух и крапива... а свежие навислые сучья чуть не задевали головы гуляющих»¹⁶. Для работ по расчистке парка унтер-офицеры приводили партии арестантов из местной тюрьмы. Однажды какой-то озорной купец зазвал всю команду вместе с конвоирами в ближайший кабаk и перепоил всех. «Унтер-офицеры лежали влѣжку», а часть арестантов разбежалась¹⁷. Вскоре, однако, сад стал излюбленным местом гуляний рязанцев, здесь были разбиты цветники, играл духовой оркестр. Начал создаваться похожий сад на Ильинской площади (ныне — Соборная площадь) на берегу Трубежа. Возле этого сада, близ церкви Спаса на Яру, П. П. Новосильцев задумал выстроить казенный губернаторский дом, но этот план не осуществился.

П. П. Новосильцев заботился о местном театре, приглашал для выступления музыкантов и певцов из Москвы. Особенно запомнилось рязанцам празднование в русском народном духе именин П. П. Новосильцева. «В большом зале в два света» особняка Колѣминых стояли лавочки со сбитнем, закусками, сладостями, был даже деревенский кабаk. Торговали в них представители рязанского высшего общества — «все в русских простонародных костюмах». По залу среди гостей, изображавших «простой народ», прохаживались «сбитенщик и разносчики с лотками»¹⁸. Именинника приветствовал и преподнес ему в дар живого петуха наряженный сельским старостой богатейший рязанский помещик подполковник А. Д. Ивинский (владелец усадьбы в Ерлино). Роль старости исполнила Мерепа Александровна. На «сельском празднике» гостей развлекали и французскими водевилями, и итальянскими ариями, и инсценировкой «Тяжбы» Н. В. Гоголя. Единственными представителями простого народа на именинах были только крепостные музыканты князя А. Д. Волконского.

Но если костюмированный «народ» благодарил губернатора за заботу, крестьяне сел Мурмина и Дединова, надеявшиеся на его помощь в защите своих законных прав, грубо нарушенных их владельцами, дождались лишь карательных воинских команд, жес-токо подавивших их «бунты». «Мурминская» и «Дединовская» истории с безжалостной экзекуцией крестьян вызвали широкий общественный резонанс и пресекли успешный карьерный путь П. П. Новосильцева. В 1858 году он был смещен, и больше руководящих постов ему не предлагали.

Россия в 1853–1856 годах вела Крымскую кампанию. Отголоски боевых действий достигали даже таких отдаленных территорий России, как Рязань.

В начале апреля 1854 году Одесса — «город мира и торговли» — увидела на горизонте флотилию из 22 парусных судов под флагами Великобритании и Франции. 23 апреля, в Великое Христово Воскресение, Одесса 10 часов находилась под обстрелом с судов союзников. Со стороны защитников города погибли почти 250 солдат и унтер-офицеров, часть города у порта была разрушена полностью, многие иностранные суда в порту были уничтожены. Ответный огонь русской артиллерии повредил четыре фрегата противника, были убиты около 30 моряков. Несколько кораблей союзников после бомбардировки Одессы были оставлены для патрулирования. Паровой фрегат «Тигр» (“Tiger”) 12 мая 1854 сел на мель в Одесском заливе из-за ошибок штурмана и густого тумана. Англичанам не удалось снять с мели судно, которое оказалось под обстрелом одесской артиллерии. После трех удачных попаданий русских англичане подняли белый флаг. Во время перестрелки был тяжело ранен командир фрегата Джиффард, скончавшийся вскоре в одесском морском госпитале. Капитана похоронили с воинскими почестями на старом христианском кладбище в Одессе. Пленных матросов (201 чел.) и офицеров (24 чел.), по воспоминаниям старшего лейтенанта королевского парового фрегата Альфреда Ройера, одесситы встретили доброжелательно и великодушно. К столу пленных офицеров, размещенных в хорошо меблированных комнатах, подавали мясо, зелень, вино, водку. Им была предоставлена относительная свобода, разрешалось писать письма на родину, их регулярно осматривали русские врачи. Альфреда Ройера, как старшего по званию офицера фрегата «Тигр», Николай I приказал доставить в Петербург, остальных пленных отвезти в Рязань, а двух гардемарин — в Москву, где сдать ректору Московского университета. Приказание было выполнено отчасти, потому что многих пленных к этому времени уже обменяли на русских, захваченных в Черном море¹⁹.

¹⁶ Записки графа М. Д. Бутурлина. С. 280.

¹⁷ См. там же.

¹⁸ Там же. С. 199.

¹⁹ См.: Грабовецкий С. Комплекс артефактов с пароходофрегата “Tiger” (Одесса). URL : <http://mil.sevhome.ru/voenistor/crimeanwar/drugteatrcrimea/s-graboveckij-odessa-kompleks-artefaktov-s-parohodo-fregata-tiger/> (дата обращения: 20.12.2019).

По воспоминаниям Альфреда Ройера, его везли «в Петербург... на казенный счет, в сопровождении почетного конвоя и прислуги, в покойном экипаже и первом классе вагона. В Петербурге ему отвели ряд комнат в гостинице “Демут”».

Сначала Ройера принял великий князь генерал-адмирал Константин Николаевич в Стрельне. «Пленного англичанина очаровала любезность его высочества и его супруги. Великая княгиня угостила пленного чаем и новыми английскими газетами; их высочества заботливо расспрашивали о здоровье Ройера, и аудиенция окончилась длинной беседой за чаем, вином и сигарой в кабинете генерал-адмирала»²⁰. Вскоре пленного англичанина принял и император. «Государь милостиво осведомился о здоровье англичанина, расспрашивал, где захватил он лихорадку, и потом перешел к подробному допросу о причинах и условиях гибели “Тигра”, а затем осведомился:

— Каким путем вы предпочитаете уехать из России?»

Великодушие Николая I потрясло Ройера. «Он был убежден, что после аудиенции придется ехать в унылую Рязань и, как истый британец, растерялся от сюрприза, ответив государю, что он не ожидал, не сообразил еще, не надеялся и т. д. <...> Государь подал руку англичанину, и аудиенция кончилась... 29-го июня, г. Ройер выехал за границу через Варшаву, вполне убежденный, что враг Россия “цивилизованнее” союзника Турции и что русское образованное общество искренний друг Англии»²¹.

По свидетельству М. Д. Бутурлина, «в Рязань препровождены были старший лейтенант Александр Гамильтон, сорокалетний с небольшим и солидный человек; младший лейтенант Веб Элфинстон-Стоун, весьма общественный и романического оттенка молодой человек, даже сердечкин (ему было лет 28); старший шкипер, пожилых уже лет, и два или три матроса»²². Шкипер и матросы, по свидетельству Бутурлина, прибыли в Рязань позднее.

Пленным офицерам было определено «содержание... весьма изрядное (кажется, более рубля в день)»²³. Интересен тот факт, что жители нашего города относились к морским офицерам весьма лояльно: они «оба были люди со средствами... зажили весьма прилично: г. Элфинстон обзавелся лошадкою с таратайкою в роде кабриолета, а г. Гамильтон, как охотник, лягавою собакой»²⁴. Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что «занятие охотой на дичь и ловлей рыбы, уход за лошадыю и собакой, в Англии составляют привилегию офицерства, и потому здесь слово “офицер” почти синоним “спортмена”. А всякий спорт в Великобритании требует огромных расходов: птичка, убитая на охоте, стоит охотнику не менее фунта стерлингов; каждый заяц — рубликов двадцать пять, каждый ершик, попавшийся на любительскую удочку, обходится рыбаку не дешевле кроны — двух рублей»²⁵.

М. Д. Бутурлин, знающий английский язык, был приставлен к англичанам в качестве переводчика, «без увольнения... от следственных занятий и без увеличения... оклада»²⁶. Должность эта предполагала обязанность, которую сам М. Д. Бутурлин называет «неблаговидною»: не только «служить толмачом для военнопленных», но и прочитывать их письма, «которые составляли иногда до восьми страниц», и делать с них переводы, отсылавшиеся в Министерство иностранных дел. Автор «Записок...» отмечает, что офицеры были «люди отлично образованные и привыкшие к хорошему обществу», со своим переводчиком они обращались «по-дружески». М. Д. Бутурлин признавался, что «всегда стыдился» своего «невольного соглядатайства», хотя впоследствии и «сыскал искреннюю дружбу» и «даже переписывался» с этими англичанами. Он был тронут письмом отца лейтенанта Элфинстона, английского пастора, «в коем он благодарил... за внимание, оказанное его сыну»²⁷.

Губернатор Рязани П. П. Новосильцев, подражая двору, «был очень ласков с обоими офицерами», которые «нередко обедали у него» и которых он «возил к Дивову в Городище и к княгине М. С. Черкасской» в имение под Рязанью. Большинство рязанских дворян разделяли симпатию губернатора к англичанам, которые «познакомились с некоторыми ближайшими к Рязани помещиками и гостили у них по несколько дней», уведомляя об этом самого Петра Петровича.

Автор «Записок» больше всего внимания уделяет старшему лейтенанту Элфинстону, которого описывает так: «красивый мужчина, хотя ростом невелик, женственен в манерах и мягкой,

²⁰ Молчанов А. Н. Пленные англичане в России // Исторический вестник. 1886. Т. 23, № 1. С. 184–185.

²¹ Там же. С. 186.

²² Записки графа М. Д. Бутурлина. С. 259.

²³ Записки графа М. Д. Бутурлина. С. 259.

²⁴ Там же.

²⁵ Молчанов А. Н. Пленные англичане в России. С. 187.

²⁶ Записки графа М. Д. Бутурлина. С. 259.

²⁷ Там же. С. 260.

впечатлительной природы: расставаясь с Рязанью со вздохом, он оставил там не одну горемычную Дидону»²⁸. Английские офицеры навсегда покинули наш город осенью 1854 года, когда «разменены были с обеих сторон пленные»²⁹.

Однако не все рязанцы были согласны с таким отношением к военнопленным. М. Д. Бутурлин пишет, что «нашлись в Рязани ретрограды и желчного темперамента люди, которые упрекали Петра Петровича и находили, что и на пленных надо смотреть как на врагов отечества»³⁰. Сам М. Д. Бутурлин полностью оправдывал губернатора, находя, что его поведение «гуманное и свойственное просвещенному человеку»³¹.

В 1855 году была прислана новая партия пленных (ирландцы, англичане, французы). П. П. Новосильцев принял их с тем же радушием. А молодой англичанин, пехотный капитан Дуф, «принадлежащий к привилегированной фамилии, весьма образованный и отлично говоривший по-французски», стал своим человеком в салонном кружке Меропы Александровны. Не обошлось без курьезов. Губернаторша приняла светскую галантность Дуфа как «ухаживание за нею в более сердечном смысле, чем оно было в действительности, и даже стала ревновать его к одной молодой рязанской особе, с которой наш англичанин начал было сближаться»³². А французского капитана Эрманса, «открытого и весёлого нрава», помещённого на постой к рязанскому полицмейстеру подполковнику А. И. Фелькнеру, хозяин однажды ни с того ни с сего приревновал к своей некрасивой и болезненной жене и не велел слугам впускать его в дом.

Зимой через Рязань проходила с конвоирами партия итальянцев: «маленькие, тощие и почти все из новобранцев»³³ в легких шинелях. Губернатор в своем доме «накормил и напоил досыта этих жалких воинов от своего собственного стола» и велел дать им «полушубки, наушники, валеные сапоги и тёплые рукавицы. Уж как и благодарили они губернатора за его отцовское к ним попечение!»³⁴ Один из жандармов, дежуривший в этот день в губернаторском доме, с недоумением спросил: «...Неужели все французы такие тщедушные, как этот народ? Судя по этим, войско их должно быть не страшно. Ведь я один справлюсь, пожалуй, с четырьмя такими, да и не руками, а просто пинком, — и при этом молодец наш лягнул вперёд ногой»³⁵.

Такие настроения были характерны для русской провинции, тем неожиданнее была развязка в этой войне, когда России ради подписания мира пришлось пойти на унизительные уступки.

В конце 1855 года М. Д. Бутурлин перевелся на службу в Калугу, однако связь его с рязанцами не прекращалась. Приезжал он в Рязань, чтобы навестить могилу дочери Анны, скончавшейся совсем юной и похороненной в Казанском Явленском женском монастыре, который расположен на одной из старейших улиц нашего города — Затинной. Там же он завещал похоронить и себя. Прах М. Д. Бутурлина покоится в Рязани рядом с дочерью. Сохранилась надгробная плита с могилы М. Д. Бутурлина.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Грабовецкий С. Комплекс артефактов с пароходофрегата “Tiger” (Одесса). — URL : <http://mil.sevhome.ru/voenistor/crimeanwar/drugteatrcrimea/s-graboveckij-odessa-kompleks-artefaktov-s-parohodofregata-tiger/> (дата обращения: 20.12.2019).
2. Записки графа М. Д. Бутурлина : в 2 т. — М. : Русская усадьба : Любимая книга, 2006. — Т. 2. — 543 с.
3. Из истории рязанской власти: руководители Рязанского края. 1778–2008 / под ред. П. В. Акулышина. — Рязань : Ряз. обл. тип., 2008. — 520 с.
4. Молчанов А. Н. Пленные англичане в России // Исторический вестник. — 1886. — Т. 23, № 1. — С. 180–194.
5. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Рязанская область : в 3 ч. / отв. ред. В. И. Колесникова. — М. : Индрик, 2012. — Ч. 1. — 880 с.
6. Хвоцинская Н. Д. Повести и рассказы. — М. : Худож. лит., 1963. — 512 с.

²⁸ Там же. С. 261.

²⁹ Там же. С. 262.

³⁰ Там же. С. 260.

³¹ Там же. С. 282.

³² Записки графа М. Д. Бутурлина. С. 284.

³³ Там же. С. 285.

³⁴ Там же. С. 286.

³⁵ Там же. Т. 2. С. 287.

Сведения об авторах

Грачева Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: история русской литературы XIX века, литература Рязанского края.

Контактная информация: электронный адрес: i.gracheva@365.rsu.edu.ru

Сомова Марина Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: язык и стиль писателя, лексика и фразеология русского языка.

Контактная информация: электронный адрес: m.somova@365.rsu.edu.ru

I. V. Gracheva, M. V. Somova

RYAZAN IN THE 1850s

(Reading Count M. D. Buturlin's Essays)

The article treats history of Ryazan, namely, political, cultural, and social events that took place in Ryazan in the 1850s. The main source of information about the period is Count M. D. Buturlin's Essays. Count M. D. Buturlin was assigned to the position of Special Officer by Ryazan Governor P. P. Novosiltsev and knew Ryazan very well. In his memoirs, M. D. Buturlin shares both his personal thoughts and his ideas on Russia. In his memoirs Count Buturlin speaks about the Ryazan Province, characterizes the Ryazan nobility of the 1850s, speaks about the Ryazan nobility's interests and thoughts.

Ryazan; the 1850s; M. D. Buturlin; P. P. Novosiltsev; cultural and social life

REFERENCES

1. Graboveckij S. *Kompleks artefaktov s parohodofregata "Tiger" (Odessa)* [A Complex of Artifacts from the Tiger]. URL: <http://mil.sevhome.ru/voenistor/crimeanwar/drugteatrcrimea/s-graboveckij-odessa-kompleks-artefaktov-s-parohodo-fregata-tiger/> (accessed: 20.12.2019). (In Russian).
2. *Zapiski grafa M. D. Buturlina: v 2 tomah* [Count M. D. Buturlin's Essays: in 2 volumes]. Moscow, Russian Estate Publ., Favorite Book Publ., 2006, vol. 2, 543 p. (In Russian).
3. Akul'shin P. V. (ed.). *Iz istorii rjazanskoj vlasti: rukovoditeli Rjazanskogo kraja. 1778–2008* [From the History of Ryazan Government: Ryazan Officials. 1778–2008]. Ryazan, Ryazan Region Publishing House Publ., 2008, 520 p. (In Russian).
4. Molchanov A. N. British Prisoners of War in Russia. *Istoricheskij vestnik* [Historical Bulletin]. 1886, vol. 23, no. 1, pp. 180–194. (In Russian).
5. Kolesnikov V. I. (ed.). *Svod pamjatnikov arhitektury i monumental'nogo iskusstva Rossii. Rjazanskaja oblast': v 3 chast'ah* [A List of Architectural Monuments and Monumental Art in Russia. Ryazan Region: in 3 parts]. Moscow, Indrik Publ., 2012, part. 1, 880 p. (In Russian).
6. Hvoshhinskaja N. D. *Povesti i rasskazy* [Novels and Short Stories]. Moscow, Belle Lettres Publ., 1963, 512 p. (In Russian).

Information about the authors

Gracheva Irina Vladimirovna — Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Literature at Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: Russian literature of the 19th century, literature of the Ryazan region.

Contact information: e-mail: i.gracheva@365.rsu.edu.ru

Somova Marina Viktorovna — Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of the Russian Language and Language Teaching Methodology at Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: author's individual style, lexicology and phraseology of the Russian language.

Contact information: e-mail: m.somova@365.rsu.edu.ru

Поступила в редакцию 18.09.2019

Received 18.09.2019